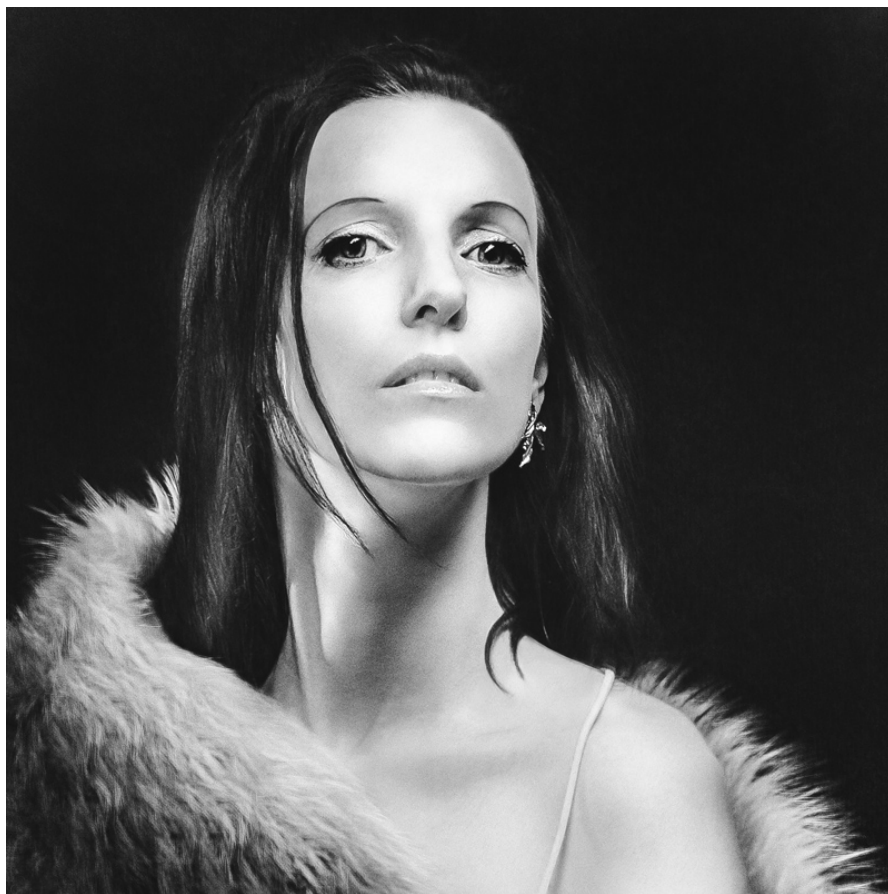

Полный текст.

Тейт ЭШ, Москва (Россия)

ДРИАДЫ

Пролог

вдоль полосы прибоя
бродит забытый голос
кто его бросил гибнуть
между волной и новой
между войной и новой
кто не вернулся в бухту

1.

Она идёт. Густеет постепенно
закатный цвет над городом. Послушно
сгрудились у воды, в гирляндах роз,
постройки деревянные. На стенах –
узоры из ракушек. Влажно. Душно.
Ни звука.

Край каких метаморфоз
нашёл бы здесь старательный Овидий!

Легко ли быть блистательной как Федра,
приласковиться, пробовать латынь,
задерживать дыхание. И видеть,
как сонный плющ колышется от ветра,
и не шепнуть заветное – застынь.

Чего ты медлишь, гордая. Не трону.
Все 35 привязанных повес –
Мы ждём тебя у пристани. И не с
кем будет нам опаздывать к Харону. –
Свободные – за городом, по схранам.
Да будь ты славен, вечный Херсонес!

Давай, укрась античные колонны
скульптурами почтенного Каллона,
который вовсе выжил из ума.
Застывший луч не движется по склону...
Довольно ждать! Иди ко мне, Горгона.
Смотри:

дороги, отроки, дома.

2.

пока по колено водица
спешит поколение водиться
плодиться бывать-бытовать

пространство собой исковеркав
кончаются кров и кровать

земля принимай человеков
куда-то ж их надо девать

3.

Из галечной гавани местных широт
К последней захлопнутой створке ворот
Нетутошный путник усталый
Походкой бредёт запоздалой.
Увы, не спешите качать головой.
Вы сразу поймёте: ему не впервой,
Едва поравняетесь с ним вы, –
Остаться у накрепко стиснутых створ.
Где, вторя кифаре, ведут разговор
Гетеры и прочие нимфы.

– Тебе ли страшиться смешливых очей? –
Задиристо вспыхнет костёр побойчей,
Для беглого, хватит, пристрела.
Закатный скиталец, не скиф и не грек, –
Он выбрал – которая долее всех
В беспечный огонь не смотрела.
Она не ходила за ним по пятам.
Но смятые травы туман пропитал
Креплёным настоем телесным.
Растерянно мир над телами витал.
Двоим оказавшийся тесным.

У торной дороги, неведомо чья,
Рыдала речушка в четыре ручья,
Вдоль насыпи длилась тимьянной.
Пришедший – не болен был, не обветшал –
Раскинувши руки, лежал не дышал
На терпкой траве окаянной.
Задумчиво угли мигнули в золе.
Где грезилась нега прибрежной земле,
В заветной росе хорошилась,
Недавно живое – белело, мертво.
Сосна прорастала сквозь имя его,
Что вслух называть не решились.

Волна продолжала окучивать брег.
К огню возвратился не скиф и не грек.

Над бухтой качнулась Омега.
Вокруг костровища сидели рядком.
Никто не заметил – молчали по ком,
Как будто и не было смеха.
Огонь, как собака, свернулся у ног.
Но вскоре нащупал забытый венок.
Взметнулась горящая хвоя!
Над ней заворочалась таврская мгла –
Сосновая панна в тумане плыла,
Небрежных живых беспокоя.

Костёр догорел. У ворот – ни души.
К другому селению путник спешит,
За новой бредёт осуждённой.
Небесный непарнорождённый.

4.

Ты прав, Сиrisk. Венки не сохранят
Ни знатности, ни остального хлама.
Какая разворачивалась драма
На пологе из местных роз и мят!

Нагрянет Рим – и полог будет смят.
Едва ли что останется от храма. –
В истории за все в ответе мрамор,
Приправленный молчанием ягнят.

Давно умолкли Плиний и Солон.
Стекает солнце в трещины колонн
И за волной уносится куда-то.

Таврида дремлет, сны свои храня.
Лишь вздрогнет город, словно по камням
Ступают легионы Митридата.

5.

Каждого понимает
принимает
ласково обнимает
поглаживает-перекатывает
щедро выносит на берег
обломки имён

– Меня называют Цинния.
Двое стоят напротив, прицениваются.

Старый смешной Такис, кому нужны теперь твои груши?
Жёлтые, пузатые, пахнущие мёдом.

Тень от статуи завершает обход мостовой.
В доме напротив – третий год пусто.

– Кракки-ка... – доносится со стороны моря.

Солнце.
Легионеры отражаются в щитах друг друга.

На камнях не остаётся следов.
Жаль.

– Кракки... Кракки-каа...

Отсюда ещё видна тележка с грушами.
Люди шарахаются, обходят её под самой стеной.

– Меня называют Цинния.
– Пиния... пить...

6.

сошлись на росе несметной
владелец кольчуг да тог

живая вода с посмертной
смешались в один поток

поди их теперь распробуй
раздвоенным языком

под жертвенною коровой
живая земля с багровой

сминается в общий ком

7.

Леспромхоз озирается. Утро в испарине. Небо в дыму. На земле зола.
Распалённый водила тщательно, матом, сулит потери вам.
Старший пишет: «Роща сдалась. Но дриада из поваленного ствола
Не выходит четвертые сутки.
Втихаря разделали вместе с деревом».
Сплюнул в сердцах, прислонился спиной к бензиновому бачку.
Всюду обильно пахнет свежераспиленная древесина.

А ты в субботу идёшь в магазин, покупаешь полочку,
Приносишь домой – и дома становится невыносимо.
Понимаешь: дело не в местном пиве и негуглящейся тоске,
Баба и чайник ещё способны сделать тепло и мятно.
Часть недобитой дриады продолжает сидеть в доске,
Говорить не может, но всё понятно.

Сначала так жить непривычно. Смотришь на стену сто раз на дню.
Обхаживаешь деревяшку – она ведь реально живая вся.
Потом привыкаешь, сваливаешь на полку всяческую фигню
И успокаиваешься.

2016 год.

